

Деятельность и личность

1. Личность как предмет психологического исследования

Чтобы преодолеть господствующую в психологии диалектическую схему, нужно было прежде всего вычлениить то «среднее звено», которое опосредствует связи субъекта с реальным миром. Поэтому мы начали с анализа деятельности, ее общего строения. Однако тотчас обнаружилось, что в определение деятельности необходимо входит понятие о ее предмете, что деятельность по самой своей природе является *предметной*.

Другое дело - понятие о субъекте деятельности. Первоначально, то есть до выяснения важнейших образующих деятельность, субъект остается как бы за пределами исследования. Он выступает лишь в качестве предпосылки деятельности, ее условия. Только дальнейший анализ разных видов деятельности и порождаемых ими форм психического отражения приводит к необходимости ввести понятие о конкретном субъекте, о личности как о *внутреннем условии деятельности*. Категория деятельности открывается теперь в своей действительной полноте: в качестве объемлющей оба полюса - и полюс объекта и полюс субъекта.

Изучение личности как условия деятельности и ее продукта составляет специальную, хотя и не «отдельную» психологическую проблему. Проблема эта является одной из самых сложных. Серьезные трудности возникают уже при попытках выяснить, какая реальность описывается в научной психологии термином «личность».

Личность является не только предметом психологии, но и предметом философского, общественно-исторического познания.

¹ Леонтьев А.Н. Деятельность и личность. Вопросы философии, № 4, 1974.

А на определенном уровне анализа личность выступает и со стороны своих природных, биологических особенностей - как предмет антропологии, соматологии и генетики человека. Интуитивно мы достаточно хорошо знаем, в чем состоят здесь различия. Тем не менее в психологических теориях личности постоянно возникают грубые смещения и неоправданные противопоставления.

Лишь немногие общие положения о личности принимаются с теми или иными оговорками всеми авторами. Одно из них состоит в том, что личность представляет собой некое неповторимое единство, некую целостность. Другое положение заключается в признании за личностью роли высшей, интегрирующей инстанции, управляющей психическими процессами (У. Джемс называл личность «хозяином» психических функций, Г. Олпорт - определителем «поведений и мыслей»). Однако попытки дальнейшей интерпретации этих положений привели в психологии к ряду ложных идей, мистифицирующих проблему личности.

Прежде всего это идея, противопоставляющая «личностную психологию» психологии, изучающей конкретные процессы (психические функции). Одна из попыток преодолеть это противопоставление выражается в требовании сделать личность отправным моментом всякого психологического исследования, «центром, исходя из которого только и можно решать все проблемы психологии», так что необходимость в специальном разделе психологии - психологии личности - отпадает¹. Несмотря на всю убедительность старого афоризма, что «мыслит не мышление, а человек», это требование является методологически наивным по той простой причине, что субъект до аналитического изучения его высших жизненных проявлений неизбежно выступает либо как абстрактная, «незаполненная» целостность, либо как метапсихологическое «я», обладающее изначально заложенными в нем диспозициями или целями. Последнее, как известно, постулируется всеми персоналистическими теориями. При этом безразлично, рассматривается ли личность с биологизаторских, орга-

¹ См. *Е. В. Шорохова. Некоторые методологические вопросы психологии личности «Проблемы личности»*. Материалы симпозиума, т. I. М., 1969, стр. 29-30. Иначе ставит этот вопрос С. Л. Рубинштейн: «Сделать, - говорит он, - личностный аспект единственным - значит закрыть себе путь для раскрытия закономерностей психической деятельности» (см. его книгу «Проблемы общей психологии». М., 1973, стр. 248).

нистических позиций или как чисто духовное начало либо, наконец, как некая «психофизиологическая нейтральность»².

Впрочем, требование «личностного» подхода в психологии иногда понимается в том смысле, что при изучении отдельных психологических процессов внимание исследователя должно быть сосредоточено прежде всего на индивидуальных особенностях. Но это отнюдь не решает проблемы, так как а priori мы не можем судить о том, какие из этих особенностей характеризуют личность, а какие - нет. Входят ли в психологическую характеристику личности, например, скорость реакции человека, объем его памяти или умение печатать на машинке?

Один из способов обойти этот капитальный вопрос психологической теории состоит в понимании под личностью человека в его эмпирической тотальности. Психология личности оборачивается, таким образом, особого рода антропологией, включающей в себя все: от исследования особенностей обменных процессов до исследования индивидуальных различий в отдельных психических функциях³.

Конечно, комплексный подход к человеку является не только возможным, но и научно оправданным. Однако никакое комплексное исследование не в состоянии *заменить* собой тот или иной специальный раздел знаний, входящий в данный комплекс. Не иначе обстоит дело и с психологией личности: психология личности отнюдь не замещается комплексом сопоставляемых между собой физиологических, морфологических и функционально-психологических данных. Растворяясь в них, она в конечном счете оказывается редуцированной либо к биологическим, либо к социологическим или культурологическим представлениям о человеке.

Вопрос о соотношении общей и дифференциальной психологии до сих пор остается настоящим камнем преткновения в исследовании личности. Большинство авторов избирает дифференциально-психологическое направление. Беря свое начало от Гальтона и Спирмена, направление это вначале ограничивалось

² В современной психологии персоналистические взгляды развиваются в очень разных направлениях, включая социоантропологические (см., например, A. Maslow. *Motivation and Personality*. N. Y., 1954; M. Dufrenne. *Pour l'homme*. Paris, 1968).

³ См., например, Б.Г. Апанцев. *Человек как предмет познания*. Л., 1968.

исследованием умственных способностей; впоследствии оно охватило изучение личности в целом. Уже Спирмен распространил идею «факторов» на особенности воли и аффективности, выделив наряду с общим фактором «g» фактор «w»⁴. Дальнейшие шаги были сделаны Кеттелом, предложившим многомерную и иерархическую модель факторов (черт) личности, среди которых фигурируют такие, как эмоциональная стабильность, экспансивность, самоуверенность⁵.

Метод исследования, развиваемый эти направлением, состоит, как известно, в изучении статистических связей между отдельными чертами личности (ее свойствами, способностями или поведением), выявляемыми посредством их тестирования. Устанавливаемые корреляционные связи между ними и служат основанием для выделения гипотетических факторов и «суперфакторов», обуславливающих эти связи. Таковы, например, факторы интроверзии и нейротизма, образующие, по Эйзенку, вершину факторной иерархической структуры, которая отождествляется им с психологическим типом личности⁶. Таким образом, за понятием личности выступает некое «общее», которое выделяется посредством тех или иных процедур статистической обработки количественно выраженных признаков, отбираемых по статистическим же критериям. Поэтому, несмотря на то, что в основе характеристики этого «общего» лежат эмпирические данные, оно все же остается по существу *метапсихологическим*, не нуждающимся в психологическом объяснении. Если попытки его объяснения и предпринимаются, то они идут по линии поиска соответствующих морфо-физиологических коррелятов (типы высшей нервной деятельности Павлова, конституции Кречмера - Шелдона, переменные Эйзенка), что возвращает нас к органистическим теориям.

Характерный для этого направления эмпиризм, собственно, и не может дать большего. Изучение корреляций и факторный анализ имеют дело с вариациями признаков, которые выделяются лишь постольку, поскольку они выражаются в доступных измерению индивидуальных или групповых различиях. Соответствующие количественные данные - будут ли они относиться

⁴ H. Eysenck. Dimension of Personality. London, 1947.

⁵ B. B. Cattell. Personality. N.Y., 1950.

⁶ H. Eysenck. The Structure of Human Personality. London, 1960.

к скорости реакции, к строению скелета, к особенностям вегетативной сферы или к числу и характеру образов, продуцируемых испытуемыми при рассматривании черпильных пятен, - подвергаются обработке независимо от того, в каком отношении находятся измеренные признаки к особенностям, ближайшим образом характеризующим человеческую личность.

Сказанное, конечно, вовсе не значит, что применение в психологии личности метода корреляции вообще невозможно. Речь идет о другом: о том, что *сам по себе* метод корреляции индивидуальных свойств является для психологического раскрытия личности еще недостаточным, так как выделение этих свойств нуждается в основаниях, которые не могут быть извлечены из данных дифференциального исследования. Задача найти эти основания возникает тогда, когда мы отказываемся от понимания личности как некой целостности, охватывающей совокупность *всех* особенностей человека - «от политических и религиозных взглядов до способов переваривания пищи»⁷. Из факта множественности свойств и особенностей человека вовсе не следует, что психологическая теория личности должна стремиться к глобальному их охвату. Ведь человек как эмпирическая целостность проявляет свои свойства во всех формах взаимодействия, в которые он вовлечен. Падая из окна многоэтажного дома, он, конечно же, обнаружит свойства, присущие ему как физическому телу, обладающему массой, объемом и т. д.; возможно, что, ударившись о мостовую, он получит увечья или погибнет, и в этом тоже проявятся его свойства, а именно свойства, соответствующие его морфологии. Никому, однако, не придет в голову включать подобные свойства в характеристику личности, сколь бы статистически надежно ни были установлены связи между весом тела или индивидуальными особенностями скелета и, скажем, памятью на цифры⁸.

Когда в повседневной жизни мы даем характеристику личности человека, то мы без особых колебаний включаем в нее такие черты, как, например, сила воли («сильная личность», «слабохарактерный человек»), отношение к людям («доброжелательный», «равнодушный») и т. п., но мы обычно не относим к числу личностных такие особенности, как, например, разрез глаз или уме-

⁷ R. B. Cattell. Ibid., p. 3.

⁸ См. «Проблемы личности». Материалы симпозиума, т. I, стр. 117.

ние считать на счетах; мы делаем это, не пользуясь никаким разумным критерием для различения «личностных» и «неличностных» особенностей. Если идти путем перебора и сопоставления отдельных психологических и иных особенностей, то такой критерий вообще не может быть найден. Дело в том, что *одни и те же особенности человека могут стоять в разном отношении к его личности*. В одном случае они выступают как безразличные, в другом - те же особенности существенно входят в его характеристику.

Последнее обстоятельство делает особенно очевидным, что вопреки широко распространенным взглядам никакое эмпирическое дифференциальное исследование не способно дать решения психологической проблемы личности, так как само дифференциальное исследование возможно только на основе общепсихологической теории личности. Фактически именно так и обстоит дело: за любым дифференциально-психологическим исследованием личности - тестологическим или клиническим - всегда лежит та или иная явно или неявно выраженная общетеоретическая концепция.

Несмотря на кажущуюся пестроту и даже взаимную непротиворечивость современных психологических теорий личности, большинство из них сохраняет характерную для домарксистской и немарксистской психологии метафизическую диалектическую схему анализа, о несостоятельности которой я уже говорил⁹. Теперь эта схема выступает в новом обличье - в обличье теории двух факторов формирования личности: *наследственности и среды*. Какую бы особенность человека мы ни взяли, она, согласно этой теории, объясняется, с одной стороны, действием наследственности (заложенными в генотипе инстинктами, влечениями, способностями или даже априорными категориями), а с другой - влиянием внешней среды (природной и социальной - языка, культуры, обучения и т.д.). С точки зрения здравого рассудка другого объяснения, собственно, и нельзя предложить. Однако обыкновенный здравый рассудок, по меткому замечанию Энгельса, весьма почтенный спутник в домашнем обиходе, переживает самые удивительные приключения, как только он отваживается выйти на простор исследования¹⁰.

⁹ См. А. Н. Леонтьев. Проблема деятельности в психологии // *Вопросы философии*. 1972, № 9, стр. 95-98.

¹⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.*, т. 19, стр. 204.

Кажущаяся непреодолимость теории двух факторов приводит к тому, что споры ведутся главным образом вокруг вопроса о значении каждого из этих факторов: одни настаивают на том, что главной детерминантой является наследственность и что внешняя среда, социальные воздействия обуславливают лишь возможности и формы проявлений той программы, с которой рождается человек; другие выводят важнейшие особенности личности непосредственно из особенностей социальной среды, из «социокультурных матриц». Однако при всем различии идейного и политического смысла высказываемых взглядов все они сохраняют позицию двойной детерминации личности, так как просто игнорировать один из факторов, о которых идет речь, значило бы идти против эмпирически доказуемого влияния обоих¹¹.

Взгляды на соотношение биологического и социального факторов как на простую их конвергенцию или делящие психику человека на сосуществующие эндосферу и экзосферу уступили свое место более сложным представлениям. Они возникли в связи с тем, что главным предметом анализа стали проблема внутренней структуры самой личности, образующие ее уровни, их иерархические отношения. Так, в частности, возникло представление о характеризующем личность соотношении сознательного и бессознательного, развитое З. Фрейдом. Выделенное им «либидо» представляет собой не только биоэнергетический источник активности, но и особую инстанцию в личности — «оно» (Id), противостоящую «я» (ego) и «сверх-я» (super ego); генетические и функциональные связи между этими инстанциями, осуществляемые посредством специальных механизмов (вытеснения, цензуры, символизации, сублимации), и образуют с этой точки зрения структуру личности.

Здесь нет необходимости вдаваться в критику фрейдизма, взглядов М. Адлера, Е. Юнга и их современных продолжателей. Совершенно очевидно, что взгляды эти не только не пре-

¹¹ Теория двух факторов в этой, так сказать, обнаженной ее форме не заслуживала бы внимания, если бы ей не приписывали иногда «диалектичности». Человек, читаем мы в уже цитированной книге, является диалектическим единством природного и общественного. «Все в нем, будучи производным двух факторов (социального и биологического), должно нести печать их на себе, только одну в большей, а другое в меньшей степени, в зависимости от содержания психического явления». («Проблемы личности». Материалы симпозиума, т. 1. стр. 76-77).

одолевают, а, напротив, обостряют теорию двух факторов, превращая идею их конвергенции в смысле В. Штерна или Дж. Дьюи в идею их *конфронтации*.

Другое направление, в котором развивался подход к личности со стороны ее внутреннего строения, представлено культурно-антропологическими концепциями. Отправными для них явились этнологические данные, которые показали, что существенные психологические особенности определяются различиями не человеческой *натуры*, а человеческой *культуры* и что соответственно система личности есть не что иное, как субъективно отраженная, индивидуализированная система культуры, в которую включается человек в процессе его «аккультурации». Нужно сказать, что в этой связи приводится множество наблюдений, начиная с известных работ М. Мид, которая показала, например, что даже такое устойчивое явление, как психологический кризис в подростковом возрасте, не может быть объяснено наступлением полового созревания, так как в некоторых культурах этого кризиса не существует¹². Аргументы черпаются также из обследования лиц, внезапно перемещенных в новое культурное окружение, и, наконец, их экспериментальных исследований таких специальных явлений, как влияние преобладающих в данной культуре объектов на ход борьбы зрительных полей и т.п.¹³.

Для психологии значение культурно антропологических интерпретаций личности является, однако, иллюзорным: они неизбежно ведут к *антипсихологизму*. Уже в 40-х годах Р. Линтон указывал на возникающую здесь трудность, которая состоит в том, что культура реально существует лишь в своей концептуализированной форме, как обобщенный «конструкт». Ее носители - это, конечно, конкретные люди, каждый из которых частично ее усваивает; в них культура персонифицируется и индивидуализируется. Но при этом она образует не *личностное* в человеке, а то, что, напротив, является в нем безличным - как, например, общий язык, знания, распространенные в данной социальной среде, предрассудки, моды и т.д.¹⁴. Поэтому для психологии личности

¹² См. *M. Mead. Coming of Age in Samoa*, N.Y., 1963.

¹³ См. *J. W. Bagby. A Cross-cultural Study of Prevalence of Perceptual Binocular Rivalry*. «*Journal of Abnormal and Social Psychology*», 1957, vol. 54, pp. 331-344.

¹⁴ См. *R. Linton. The Cultural Background of Personality*. N. Y. 1945.

значение обобщенного понят (construct) культуры является, по выражению Олпорта, «обманчивым»¹⁵. Психолога интересует индивид как личность, а личность - это не просто сколок, частичная персонификация той или иной культуры. Культура, хотя она и существует в своих персонификациях, составляет предмет истории, социологии, а не психологии.

Культурологические теории вводят в этой связи различие собственно личности, как продукта индивидуальной адаптации к внешним ситуациям, и ее общей «базы» или «архетипа», которые формируются у человека в детстве под влиянием черт, свойственных данной расе, этнической группе национальности, социальному классу. Введение этого различия, однако, ничего не решает, потому что образование архетипа само нуждается в дальнейшем объяснении и допускает различные интерпретации, в частности психоаналитические. При этом общая двухфакторная схема остается, хотя и в несколько трансформированном виде. Понятие генотипа (наследственность) теперь осложняется введением понятия базовой личности, архетипа, или первичных установок, а понятие внешней среды - введением понятия ситуации и понятия *роли*. Последнее и стало сейчас чуть ли не центральным в социальной психологии личности.

По широко распространенному определению, роль - это программа, отвечающая ожидаемому поведению человека, занимающего определенное место в структуре той или иной социальной группы; это структурированный способ его участия в жизни общества. Личность и представляет собой не что иное, как система усвоенных («интернализированных») ролей. В социальной группе; которая образует семью, - это роль сына, отца и т.д.: на работе - роль, скажем, врача или учителя. В неопределенных ситуациях роль тоже возникает, только тогда в роли гораздо больше проявляются черты архетипа и индивидуально приобретенного опыта.

Идея прямого сведения личности к совокупности ролей, которые исполняет человек, является - несмотря на всевозможные оговорки адептов этой идеи - одной из самых чудовищных. Конечно, ребенок усваивает то, как он должен вести себя с мамой, например, что ее нужно слушаться, - и он слушается; но можно

¹⁵ G. Allport. Pattern and Growth in Personality. N. Y., 1961.

ли сказать, что при этом он играет роль сына или дочери? Столь же нелепо говорить, например, о роли полярного исследователя, «акцептированной» Ф. Нансеном; для него это не роль, а *миссия*. Конечно, иногда человек действительно разыгрывает ту или иную роль; но она все же остается для него только ролью независимо от того, насколько она «интернализирована». Роль - не личность, а *изображение*, за которым она скрывается. Если воспользоваться терминологией П. Жане, понятие роли соотносительно не с понятием личности (*personnalite*), а с понятием персонажа (*personnage*)¹⁶.

Важнейшими возражениями против «ролевых» теорий являются не те, которые идут по линии критики того или иного понимания места, отводимого ролям в структуре личности, а те, которые направлены против самой идеи, связывающей личность с запрограммированным поведением, даже если программа поведения предусматривает ее самоизменение и создание новых программ и подпрограмм (Гандерсон). Что бы вы сказали, спрашивает цитируемый автор, если бы узнали, что «она» лишь искусно играла перед вами роль?¹⁷

Судьба концепции ролей та же, что и других социологических культурно-антропологических концепций, остающихся в плену теории двух факторов. Чтобы спасти психологическое в личности, она вынуждена апеллировать к темпераменту и способностям, заложенным в генотипе индивида, и мы снова возвращаемся к ложной проблеме о том, что является главным - генотипические особенности человека или воздействия социальной среды. Более того, нас предупреждают об опасности любой односторонности. Лучше всего, говорят нам, сохранять в решении этой проблемы «разумное равновесие»¹⁸.

Итак, на деле методологическая премудрость этих концепций сводится к формуле вульгарного эклектизма: «и то и другое», «с одной стороны, с другой стороны». С позиций сей премудрости свершается суд и над психологами-марксистами - они де повинны (вместе с защитниками культурологии!) в недооценке

¹⁶ P. Janet. L'évolution psychologique de la personnalite. Paris, 1929, pp. 320-332. а также: G. Berge. Caractere et personnalite PUF, 1959. Pp. 69-71.

¹⁷ K. Gunderson. Robot, Consciousness and Programmed Behaviour. «The British Journal for the Philosophy of Science?», 1968, vol. 19, № 2.

¹⁸ G. Allport. Op cit., p. 194.

внутреннего в личности, ее «внутренней структуры»¹⁹. Понятно, что высказывания такого рода могут возникнуть только в результате бессмысленных попыток уложить взгляды марксизма на личность в глубоко чуждые ему концептуальные схемы.

Дело вовсе не в том, чтобы констатировать, что человек есть и природное и общественное существо. Это положение указывает лишь на разные системные качества, проявляемые человеком, и ничего еще не говорит о сущности его личности, о том, что ее порождает. А в этом как раз и заключается научная задача.

Задача эта требует понять личность как новообразование, которое формируется в жизненных отношениях индивида в результате преобразования его деятельности. Но для этого необходимо с порога отбросить представление о личности как о продукте совокупного действия разных сил, из которых одна скрыта, как в мешке, «за поверхность кожи» человека (что бы в этот мешок ни сваливали), а другая исходит из внешней среды (как бы мы эту силу ни трактовали - как силу воздействия стимульных ситуаций, культурных матриц или социальных «экспектаций»). Ведь никакое развитие непосредственно не выводимо из того, что составляет лишь необходимые его *предпосылки*, сколь бы детально мы их ни описывали. Марксистский диалектический метод требует идти дальше и исследовать развитие как процесс «самодвижения», то есть исследовать его *внутренние* движущие отношения, противоречия и взаимопереходы, так что его предпосылки выступают как в нем же трансформирующиеся его собственные моменты²⁰.

Такой подход необходимо приводит к выводу об общественно-исторической сущности личности. Положение это означает, что личность впервые возникает в обществе, что человек вступает в историю (и ребенок вступает в жизнь) как индивид, наделенный определенными природными свойствами и способностями, и что личностью он становится лишь в качестве субъекта общественных отношений. Иначе говоря, в отличие от индивида

¹⁹ G. Allport. Ibid. В числе направлений, характеризующихся социологическим редуционизмом, указывает на советскую психологию и Ж. Пиаже (см. «Экспериментальная психология». Редакторы-составители П. Фресс и Ж. Пиаже, рус. Перевод. М., 1966, стр. 172.

²⁰ Принципиальная несовместимость буржуазно-психологических теорий личности с марксизмом всесторонне показана Л. Сэвом в его книге «Марксизм и теория личности». М., 1972.

личность ни в каком смысле не является предсуществующей по отношению к деятельности человека; как и его сознание, личность порождается деятельностью. Исследование процесса порождения и трансформаций личности человека в его деятельности, протекающей в конкретных социальных условиях, и является ключом к подлинно научному психологическому пониманию личности.

2. Индивид и личность

Изучая особый класс жизненных процессов, научная психология необходимо рассматривает их как проявления жизни материального *субъекта*. В тех случаях, когда имеется в виду отдельный субъект (а, например, не вид, не сообщество, не общество), мы говорим «особь» или, если мы хотим подчеркнуть также и его отличие от других представителей вида, «индивид».

Понятие «индивид» выражает неделимость, целостность и особенности конкретного субъекта, возникающие уже на ранних ступенях развития жизни. Индивид как целостность - это продукт биологической эволюции, в ходе которой происходит не только процесс дифференциации органов и функций, но также и их интеграции, их взаимного «слаживания». Процесс такого внутреннего «слаживания» хорошо известен; он отмечался Дарвином, описывался в терминах коррелятивного приспособления Кювье, Плате, Осборном и другими. Функцию вторичных коррелятивных изменений организмов, создающих целостность их организации, особенно подчеркнул в своей «гипотезе корреляции» А.Н. Северцов.

Индивид - это прежде всего генотипическое образование. Но индивид является не только образованием генотипическим; его формирование продолжается, как известно, и в онтогенезе, прижизненно. Поэтому в характеристику индивида входят также свойства и их интеграции, складывающиеся онтогенетически. Речь идет о возникающих «сплавах» врожденных и приобретенных реакций, об изменении предметного содержания потребностей, о формирующихся доминантах поведения. Наиболее общее правило состоит здесь в том, что чем выше мы поднимаемся по лестнице биологической эволюции, чем сложнее становятся жизненные проявления индивидов и их организация, тем более выраженными становятся различия в их прирожденных и при-

жизненно приобретаемых особенностях, тем более, если можно так выразиться, *индивиды индивидуализируются*.

Итак, в основе понятия индивида лежит факт неделимости, целостности субъекта и наличия свойственных ему особенностей. Представляя собой продукт филогенетического и онтогенетического развития в определенных внешних условиях, индивид, однако, отнюдь не является простой «калькой» этих условий; он есть именно продукт развития *жизни*, взаимодействия со средой, а не среды, взятой самой по себе.

Все это достаточно известно, и если я все же начал с понятия индивида, то лишь потому, что в психологии оно м потребляется в чрезмерно широком значении, приводящем к неразличению особенностей человека как индивида и его особенностей как личности. Но как раз их четкое различение, а соответственно и лежащее в его основе различение понятий «индивид» и «личность» составляет необходимую предпосылку психологического анализа личности.

Наш язык хорошо отражает несовпадение этих понятий: слово «личность» употребляется нами только по отношению к человеку, и притом начиная лишь с некоторого этапа его развития. Мы не говорим «личность животного» или «личность новорожденного». Никто, однако, не затрудняется говорить о животном и о новорожденном как об индивидах, об их индивидуальных особенностях (возбудимое, спокойное, агрессивное животное и т. д.; то же можно сказать и о новорожденном). Мы всерьез не говорим о личности даже и двухлетнего ребенка, хотя он проявляет не только свои генотипические особенности, но и великое множество особенностей, приобретенных под воздействием социального окружения. Кстати сказать, это обстоятельство лишний раз свидетельствует против понимания личности как продукта перекрещивания биологического и социального факторов. Любопытно, наконец, что в психопатологии описываются случаи раздвоения личности, и это отнюдь не фигуральное только выражение; но никакой патологический процесс не может привести к раздвоению индивида; раздвоенный, «разделенный» индивид есть бессмыслица, противоречие в терминах.

Понятие личности, так же как и понятие индивида, выражает целостность субъекта жизни; личность не состоит из кусочков, это не «полипняк». Но она представляет собой целостное образование особого рода. Личность не есть целостность, обуслов-

ленная генотипически: личностью не рождаются, личностью становятся. Поэтому-то мы и не говорим о личности новорожденного или о личности младенца, хотя черты индивидуальности проявляются на ранних ступенях онтогенеза не менее ярко, чем на более поздних возрастных этапах. *Личность есть относительно поздний продукт общественно-исторического и онтогенетического развития человека.* Об этом писал, в частности, и С.Л. Рубинштейн²¹.

Это положение может быть, однако, интерпретировано по-разному. Одна из возможных его интерпретаций состоит в следующем: врожденный, если можно так выразиться, индивид не есть еще индивид вполне «готовый», и вначале многие его черты даны лишь виртуально, как возможность; процесс его формирования продолжается в ходе онтогенетического развития - пока у него не развернутся все его особенности, образующие относительно устойчивую структуру; личность якобы и является результатом процесса вызревания генотипических черт под влиянием воздействий социальной среды. Именно эта интерпретация и свойственна в той или иной форме большинству современных концепций.

Другое понимание состоит в том, что формирование личности есть процесс *sui genesis*, прямо не совпадающий с процессом прижизненного изменения природных свойств индивида в ходе его приспособления к внешней среде. Человек как природное существо есть индивид, обладающий той или иной физической конституцией, своеобразным типом нервной системы, темпераментом, определенными динамическими силами биологических потребностей, аффективности и многими другими чертами, которые в ходе онтогенетического развития частью разворачиваются, а частью подавляются, словом - многообразно изменяются. Однако не изменения этих врожденных свойств человека порождают его личность. Личность есть специально человеческое образование, которое так же не может быть выведено из его приспособительной деятельности, как не могут быть выведены из нее его сознание или его человеческие потребности. Как и сознание человека, так и его потребности (Маркс говорит: *производство сознания, производство потребностей*), личность чело-

²¹ См. С.Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. М., 1940, стр. 515-516.

века тоже «производится» - создается общественными отношениями, в которые индивид вступает в своей деятельности. То обстоятельство, что при этом трансформируются, изменяются и некоторые его особенности как индивида, составляет не причину, а следствие формирования его личности.

Выразим это иначе: особенности, характеризующие одно единство (индивида), не просто переходят в особенности другого единства, другого образования (личности) так, что первые уничтожаются; они сохраняются, но именно как особенности индивида. Например, особенности высшей нервной деятельности индивида не становятся особенностями его личности и не определяют ее. Хотя функционирование нервной системы составляет, конечно, необходимую предпосылку развития личности, но ее тип вовсе не является тем «скелетом», на котором личность «надстраивается». Сила или слабость нервных процессов, уравновешенность их и т.д. проявляют себя лишь на уровне механизмов, посредством которых реализуется система отношений индивида с миром. Это и определяет неоднозначность их роли в формировании личности.

Чтобы подчеркнуть сказанное, я позволю себе некоторое отступление. Когда речь заходит о личности, мы привычно ассоциируем ее психологическую характеристику с ближайшим, так сказать, субстратом психики - центральными нервными процессами. Представим себе, однако, следующий случай: у ребенка врожденный вывих тазобедренного сустава, обрекающий его на хромоту. Подобная грубо анатомическая исключительность очень далека от того класса особенностей, которые входят в перечень особенностей личности (в так называемую их «структуру»), тем не менее ее значение для формирования личности несопоставимо больше, чем, скажем, слабый тип нервной системы. Подумать только: сверстники гоняют во дворе мяч, а хромающий мальчик - в сторонке; потом, когда он становится постарше и приходит время танцев, ему не остается ничего другого, как «подпирать стенку». Как сложится в этих условиях его личность? Это невозможно предсказать, невозможно именно потому, что даже столь грубая исключительность индивида однозначно не определяет формирования его как личности. *Сама по себе* она не способна породить, скажем, комплекса неполноценности, замкнутости или, напротив, доброжелательной внимательности к людям - и вообще никаких психологических особенностей человека как лично-

сти. Парадокс состоит в том, что предпосылки развития личности по самому существу своему безличны.

Личность, как и индивид, есть продукт интеграции процессов, осуществляющих жизненные отношения субъекта. Существует, однако, фундаментальное отличие того особого образования, которое мы называем личностью. Оно определяется природой самих порождающих его отношений; это специфические для человека *общественные* отношения, в которые он вступает в своей предметной деятельности. Как мы уже видели, при всем многообразии ее видов и форм все они характеризуются общностью своего внутреннего строения и предполагают сознательное их регулирование, то есть наличие сознания, а на известных этапах развития также и самосознания субъекта.

Так же как и сами деятельности субъекта, процесс их объединения - возникновения, развития и распада связей между ними - есть процесс особого рода, подчиненный особым закономерностям. Изучение процесса объединения, связывания этих деятельностей субъекта, в результате которого формируется его личность, представляет собой капитальную задачу психологического исследования. Ее решение, однако, невозможно ни в рамках субъективно-эмпирической психологии, ни в рамках поведенческих или «глубинных» психологических направлений, в том числе и их новейших вариантов. Задача эта требует анализа предметной деятельности субъекта, всегда, конечно, опосредствованной психическим отражением, которое и «сшивает» отдельные деятельности между собой. Поэтому демистификация представлений о личности возможна лишь в такой психологии, в основе которой лежит учение о деятельности, о ее строении, о ее развитии и о ее преобразованиях, о различных ее видах и формах. Только при этом условии полностью уничтожается упомянутое выше противопоставление «личностной психологии» и «психологии функций», так как невозможно противопоставлять личность порождающей ее деятельности. Полностью уничтожается и господствующий в психологии фетишизм - приписывание свойства «быть личностью» самой *натуре* индивида, откуда делается вывод, что под давлением внешней среды меняются лишь проявления этого мистического свойства.

Фетишизм, о котором идет речь, является результатом игнорирования того важнейшего положения, что субъект, вступая в обществе в новую систему отношений, обретает также новые -

системные - качества, которые только и образуют действительную характеристику личности: психологическую - когда субъект рассматривается в системе деятельностей, осуществляющих его жизнь в обществе, и социальную - когда мы рассматриваем его в системе объективных отношений общества как их «персонализации»²².

Здесь мы подходим к главной методологической проблеме, которая кроется за различием понятий «индивид» и «личность». Речь идет о проблеме двойственности качеств социальных объектов, порождаемых двойственностью объективных отношений, в которых они существуют. Как известно, открытие этой двойственности принадлежит Марксу, показавшему двойственный характер труда, производимого продукта и, наконец, двойственность самого человека как «субъекта природы» и «субъекта общества»²³.

Для научной психологии личности это фундаментальное методологическое открытие имеет решающее значение. Оно радикально изменяет понимание ее предмета и разрушает укоренившиеся в ней схемы, в которые включаются такие разнородные черты или подструктуры, как, например моральные качества, знания, навыки и привычки, формы психического отражения и темперамент. Источником подобных «схем личности» является представление о развитии личности как о результате наслаивания прижизненных приобретений на некий предсуществующий метапсихологический базис. Но как раз с этой точки зрения личность как специфически человеческое образование вообще не может быть понята.

Действительный путь исследования личности заключается в изучении тех трансформаций субъекта (или, говоря языком Л. Сэва, «фундаментальных переворачиваний»), которые создаются самодвижением его деятельности в системе общественных отношений²⁴. На этом пути мы, однако, с самого начала сталкиваемся с необходимостью переосмыслить некоторые общие теоретические положения.

Одно из них, от которого зависит исходная постановка пробле-

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 244; т. 46, ч. I, стр. 505.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 50; т. 46, ч. I, стр. 89; т. 46, ч. II, стр. 19.

²⁴ См. Л. Сэв. Марксизм и теория личности. стр. 413.

мы личности, возвращает нас к положению о том, что внешние условия действуют через внутренние. «Положение, согласно которому внешние воздействия связаны со своим психическим эффектом - опосредствованно, через личность, является тем центром, исходя из которого определяется теоретический подход ко всем проблемам психологии личности...»²⁵. То, что внешнее действует через внутреннее, верно, и к тому же безоговорочно верно, когда мы рассматриваем эффект того или другого воздействия. Другое дело, если видеть в этом положении ключ к пониманию внутреннего как личности. Автор поясняет, что это внутреннее само зависит от предшествующих внешних воздействий. Но этим возникновение личности как особой целостности, прямо не совпадающей с целостностью индивида, еще не раскрывается, и поэтому по-прежнему остается возможность понимания личности лишь как обогащенного предшествующим опытом индивида.

Мне представляется, что для того, чтобы найти подход к проблеме, следует с самого начала обернуть исходный тезис: внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет. Положение это имеет совершенно реальный смысл. Ведь первоначально субъект жизни вообще выступает лишь как обладающий, если воспользоваться выражением Энгельса, «самостоятельной силой реакции», но эта сила может действовать только через внешнее: в этом внешнем и происходит ее переход из возможности в действительность - ее конкретизация, ее развитие и обогащение - словом, ее преобразования, которые суть преобразования и самого субъекта, ее конкретного носителя. Конечно, сказанное представляет собой лишь теоретическую абстракцию. Но описываемое ею общее движение сохраняется на всех уровнях развития субъекта. Повторю еще раз: ведь какой бы морфофизиологической организации, какими бы потребностями и инстинктами ни обладал индивид от рождения, они выступают лишь как предпосылки его развития, которые тотчас перестают быть тем, чем они были виртуально, «в себе», как только индивид начинает действовать. Понимание этого метаморфоза особенно важно, когда мы переходим к человеку, к проблеме его личности.

²⁵ С.Л. Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии. М., 1959, стр. 118.

3. Деятельность как основание личности

Главная задача состоит в том, чтобы выявить действительные «образующие» личность - это высшее единство человека изменчивое, как изменчива сама его жизнь, и вместе с тем сохраняющее свое постоянство, свою аутоидентичность. Ведь независимо от накапливаемого человеком опыта, от событий, которые изменяют его жизненное положение, наконец, независимо от происходящих физических его изменений он как *личность* остается и в глазах других людей и для самого себя тем же самым.

Таким образом, существует известное противоречие между очевидной изменчивостью человека и устойчивостью его как личности. Это и выдвинуло проблему «я» в качестве особой проблемы психологии личности. Она возникает потому, что черты, включаемые в психологическую характеристику личности, выражают явно изменчивое и «прерывное» в человеке, то есть то, чему как раз противостоит постоянство и непрерывность его «я». Что же образует это постоянство и непрерывность? Персонализм во всех своих вариантах, отвечая на этот вопрос, постулирует существование некоего особого начала, образующего ядро личности, которое обрастает многочисленными жизненными приобретениями, способными изменяться, существенно не затрагивая самого этого ядра.

Чаще всего вопрос, о котором идет речь, растворяется в других вопросах: о формировании представлений о своем физическом облике, о своих способностях, нравственных качествах и т.д. Вопросы эти, однако, относятся к особой проблеме - об уровнях и сторонах самосознания. Но самосознание не конституирует личность. Оно само является продуктом, а на известном этапе также и механизмом ее развития.

В основу другого подхода к личности кладется категория предметной человеческой деятельности, анализ ее внутреннего строения, ее опосредствований и порождаемых ею форм психического отражения. Такой подход уже с самого начала позволяет дать предварительное решение вопроса о том, что образует действительный базис личности, что именно входит и что не входит в характеристику человека именно как *личности*. Решение это исходит из положения, что реальным базисом личности человека является совокупность его общественных по своей природе отношений к миру, но отношений, которые *реализуются*; а

они реализуются его деятельностью, точнее, совокупностью его многообразных деятельностей.

Имеются в виду именно *деятельности* субъекта, которые и являются исходными «единицами» психологического анализа личности, а не действия, не операции, не психофизиологические функции или блоки этих функций; последние характеризуют деятельность, а не непосредственно личность. На первый взгляд это положение кажется противоречащим эмпирическим представлениям о личности и, более того, обедняющим их. Тем не менее только оно открывает путь к пониманию личности в ее действительной психологической конкретности.

Прежде всего на этом пути устраняется манная трудность: определение того, какие процессы к особенности человека относятся к числу психологически характеризующих его личность, а какие являются в этом смысле нейтральными. Дело в том, что взятые сами по себе, в абстракции от системы деятельности, они вообще ничего не говорят о своем отношении к личности. Едва ли, например, разумно рассматривать как «личностные» операции письма, способность чистописания. По вот перед нами образ героя повести Гоголя «Шинель» - Акакия Акакиевича Башмачкина. Служил он в некоем департаменте чиновником для переписывания казенных бумаг, и виделся ему в этом занятии целый разнообразный и приятный мир. Окончив работу, Акакий Акакиевич тотчас шел домой. Наскоро пообедав, вынимал баночку с чернилами и принимался переписывать бумаги, принесенные на дом. Если же таких не случалось, он снимал нарочно копии для себя, для собственного удовольствия. «...Написавшись всласть, - повествует Гоголь, - он ложился спать, улыбаясь заранее при мысли о завтрашнем дне: что-то Бог пошлет переписывать завтра».

Как произошло, как случилось, что переписывание казенных бумаг заняло центральное место в его личности, стало смыслом его жизни? Мы не знаем конкретных обстоятельств, но так или иначе обстоятельства эти привели к тому, что произошел сдвиг главного мотива на обычно совершенно безличные операции, которые в силу этого превратились в самостоятельную деятельность: в этом качестве они и выступили как характеризующие личность.

Можно, конечно, рассуждать проще: что в этом-де проявилась некая «каллиграфическая способность», заложенная от

природы. Но такое рассуждение будет уж совсем в духе начальников Акакия Акакневича, которые постоянно видели его все тем же самым прилежным чиновником для письма «так что потом уверились, что он, видно, так и родился на свет...»

Иногда дело обстоит по-иному. В том, что с внешней стороны кажется действиями, имеющими для человека самоценное значение, психологический анализ открывает лишь средства для достижения целей, действительный мотив которых лежит как бы в совершенно иной плоскости жизни. В этом случае за видимостью одной деятельности скрывается другая. Именно она-то непосредственно и входит и в психологический облик личности, какой бы ни была осуществляющая ее совокупность конкретных действий. Последняя составляет как бы только оболочку этой другой деятельности, реализующей то или иное действительное отношение человека к миру, - оболочку, которая зависит от объективных условий, иногда случайных. Вот почему, например, тот факт, что данный человек работает техником, сам по себе еще ничего не говорит о его личности; ее особенности могут обнаруживаться не в этом, а в тех отношениях, в которые он неизбежно вступает как в процессе своего труда, так и вне этого процесса.

Все это почти трюизмы, и я говорю об этом лишь для того, чтобы еще раз подчеркнуть, что исходя из набора отдельных психологических или социально-психологических особенностей человека низкую «структуру личности» установить невозможно; «то реальное основание личности человека лежит в той системе деятельностей, которые реализуются знаниями и умениями.

Общий вывод из сказанного состоит в том, что в исследовании личности нельзя ограничиваться выяснением предпосылок, а нужно исходить из развития деятельности, ее конкретных видов и форм и тех связей, в которые они вступают друг с другом, так как их развитие радикально меняет значение самих этих предпосылок. Таким образом, направление исследования должно идти не от приобретенных навыков, умений и знаний к характеризующим ими деятельностям, а от содержания и связей деятельностей к тому, как и какие процессы их реализуют, делают их возможными.

Уже первые шаги в указанном направлении приводят к возможности выделить очень важный факт. Он заключается в том, что в ходе развития субъекта отдельные его деятельности всту-

пают между собой в иерархические отношения. На уровне личности они отнюдь не образуют простой пучок, лучи которого имеют свой источник и центр в субъекте. Представление о связях между деятельностями как о коренящихся в единстве и целостности их субъекта является оправданным лишь на уровне индивида. На этом уровне (у животного, у младенца) состав деятельностей и их взаимосвязи непосредственно определяются свойствами субъекта - общими и индивидуальными, врожденными и приобретаемыми прижизненно. Например, изменение избирательности и смена деятельности находятся в прямой зависимости от текущих состояний потребностей организма, от изменения его биологических доминант. Другое дело - иерархические отношения деятельностей, которые характеризуют личность. Их особенностью является их «отвязанность» от состояний организма. Эти иерархии деятельностей порождаются их собственным развитием: они-то и образуют ядро личности.

Иначе говоря, узлы, соединяющие отдельные деятельности, образуются не действием биологических или духовных сил субъекта, которые лежат в нем самом, а той системой отношений, в которую вступает субъект.

Наблюдение легко обнаруживает те первые «узлы», с образования которых у ребенка начинается самый первый этап формирования личности. В очень выразительной форме это явление однажды выступило в опытах с дошкольниками. Экспериментатор, проводивший опыты, ставил перед ребенком задачу - достать удаленный от него предмет, непременно выполняя правило: не вставать со своего места. Как только ребенок принимался решать задачу, экспериментатор переходил в соседнюю комнату, из которой и продолжал наблюдение, пользуясь обычно применяемым для этого оптическим приспособлением. Однажды, после ряда безуспешных попыток, малыш встал, подошел к предмету, взял его и спокойно вернулся на место. Экспериментатор тотчас подошел к ребенку, похвалил его за успех и в виде награды предложил ему шоколадную конфету. Ребенок, однако, отказался от нее, а когда экспериментатор стал настаивать, то малыш тихо заплакал.

Что кроется за этим феноменом? В процессе, который мы наблюдали, можно выделить три момента: общение ребенка с экспериментатором, когда ему объяснялась задача, решение задачи и общение с экспериментатором после того, как ребенок

взял предмет. Действия ребенка отвечали, таким образом, двум различным мотивам, то есть осуществляли двоякую деятельность: одну - по отношению к экспериментатору (выполнение правила), другую - по отношению к предмету (к награде). Как показывают наблюдения, в то время, когда ребенок доставал предмет, ситуация отнюдь не переживалась им как конфликтная, как ситуация «ошибки». Иерархическая связь между обеими деятельностями обнаружилась только в момент возобновившегося общения с экспериментатором, так сказать, *postfactum*: конфета оказалась горькой, горькой по своему субъективному, *личностному смыслу*.

Списанное явление принадлежит к самым ранним, переходным. Несмотря навею наивность, с которой проявляются эти первые соподчинения разных жизненных отношений ребенка, именно они свидетельствуют о начавшемся процессе формирования того особого образования, которое мы называем личностью. Подобные соподчинения никогда не наблюдаются в самом раннем возрасте, зато в дальнейшем развитии, в своих несоизмеримо более сложных и «спрятанных» формах, они заявляют о себе постоянно. Разве не по аналогичной же схеме возникают такие глубоко личностные явления, как, скажем, угрызения совести?

Развитие, умножение видов деятельности индивида приводят не просто к расширению их «каталога». Одновременно происходит центрирование их вокруг немногих главнейших деятельностей, подчиняющих себе другие. Этот сложный и длительный процесс развития личности имеет свои этапы, свои стадии. Процесс этот неотделим от развития сознания, самосознания, но не сознание составляет его первооснову; оно лишь опосредствует и, так сказать, резюмирует его.

Итак, в основании личности лежат отношения соподчиненности человеческих деятельностей, порождаемые ходом их развития. В чем, однако, психологически выражается эта подчиненность, эта иерархия деятельностей? В соответствии с принятым нами определением мы называем деятельностью процесс, побуждаемый и направляемый мотивом - тем, в чем опредмечена та или иная потребность. Иначе говоря, за соотношением деятельностей открывается соотношение мотивов. Мы приходим, таким образом, к необходимости вернуться к анализу мотивов и рассмотреть их развитие, их трансформации, способность к раздвоению их функций и те их смещения, которые происходят внутри системы процессов, образующих жизнь человека как *личности*.

Формирование личности

Ситуация развития человеческого индивида обнаруживает свои особенности уже на самых первых этапах. Главная из них - это опосредованный характер связей ребенка с окружающим миром.

Изначально прямые бесконечные связи ребенок-мать очень скоро опосредствуются предметами: мать кормит ребенка из чашки, надевает на него одежду и, занимая его, манипулирует игрушкой. Вместе с тем связи ребенка с вещами опосредствуются окружающими людьми: мать приближает ребенка к привлекающей его вещи, подносит ее к нему или отнимает ее у него. Словом, деятельность ребенка все более выступает как реализующие его связи с человеком, через вещи, а связи с вещами - через человека. Эта ситуация развития приводит к тому, что вещи открываются ребенку не только всех физических свойствах, но и в том особом качестве, которые они приобретают в человеческой деятельности - в своем функциональном значении (чашка - из чего пьют, стул - на чем сидят, часы - то, что носят на руке), а люди - как «**ПОВЕЛИТЕЛИ**» этих вещей, от которых зависят его связи с ними.

Предметная деятельность ребенка приобретает орудийную структуру, а общение становится речевым, опосредствованным языком. В этой исходной ситуации развития ребенка и содержится зерно тех отношений, дальнейшее развертывание которых составляет цепь событий, ведущих к формированию его как личности.

Первоначально отношения к миру вещей и к окружающим людям слиты для ребенка между собой, но дальше происходит их раздвоение, и они образуют разные, хотя и взаимосвязанные линии развития, переходящие друг в друга.

В онтогенезе эти переходы выражаются в чередующихся сменах фаз: фаза преимущественного развития предметной (практической и познавательной) деятельности и фаза развития в/отношений с людьми и обществом.

Но такие же переходы характеризуют движение мотивов внутри каждой фазы. В результате и возникают те иерархические связи мотивов, которые образуют «узлы» личности.

Завязывание этих узлов представляет собой процесс скрытый и на разных этапах развития выражающийся по-разному.

Действительную основу личности составляет то особое строение **ЦЕЛОКУПНЫХ** деятельности субъекта, которое возникает на определенном этапе развития его человеческих связей с миром.

Человек живет, как бы, во все более расширяющейся для него действительности. Вначале это узкий круг, непосредственно окружающих его людей и предметов, взаимодействие с ними, чувственное их восприятие и усвоение их значения. Но далее перед ним начинает открываться действительность, лежащая далеко за пределами его практической деятельности и прямого общения: раздвигаются границы познаваемого, представляемого им мира. Истинное «поле», которое определяет теперь его действия, есть не просто наличное, но существующее объективно, или иногда только иллюзорно.

Знание субъектом этого существующего всегда опережает его превращение в определяющее его деятельность. Такое знание выполняет важнейшую роль в формировании мотивов. На известном уровне развития **МОТИВЫ** сначала выступают как только «**ЗНАЕМЫЕ**», как возможные, реально не побуждающие никаких действий. Для понимания процесса формирования личности нужно непременно это учитывать, хотя само по себе расширение знаний не является определяющим для него; поэтому-то, воспитание личности не может сводиться к обучению, к сообщению знаний.

Формирование личности предполагает развитие процесса целеобразования и соответственно развития действий субъекта.

Действия, все более обогащаясь, как бы перерастают тот круг деятельности, которые они реализуют и вступают в противоречие с породившими их **МОТИВАМИ**. Явления такого перерастания хорошо известны; они-то и образуют т.н. **КРИЗИСЫ** развития - кризис 3-х лет, 7 лет, подросткового периода и малоизученные кризисы зрелого возраста. В результате происходит сдвиг **МОТИВОВ** по **ЦЕЛИ**, изменение их иерархии и рождение **НОВЫХ МОТИВОВ** - новых видов деятельности; прежние цели психологически дискредитируются, а отвечающие им действия или вовсе перестают существовать, или превращаются в безличные операции.

Внутренние движущие силы этого процесса лежат в исходной действительности связей субъекта с миром, в их двойкой опосредованности - предметной деятельностью и общением. Ес

развертывание порождает не только двойственность мотивации действий, но благодаря этому также и соподчинение их, зависящие от открывающихся перед субъектом объективных отношений, в которые он вступает. Развитие и умножение этих особых по своей природе соподчинений, возникающих только в условиях жизни человека в обществе, занимает длительный период - этап стихийного, не направляемого самосознанием складывание личности. На этом этапе, продолжающемся вплоть до подросткового возраста, процесс формирования личности не заканчивается, он только подготавливает рождение сознающей себя личности.

Личность действительно рождается дважды: первый раз - когда у ребенка проявляются в явных формах полимотивированность и соподчиненность его действий (феномен «горькой конфеты»), второй раз - когда возникает его сознательная личность.

В последнем случае возникает какое-то особая перестройка сознания, и возникает необходимость понять суть этой перестройки и в чем она состоит.

Эту необходимость создает то обстоятельство, что чем больше расширяются связи субъекта с миром, тем более они перекрещиваются между собой. Его действия, реализующие одну его деятельность, одно отношение, объективно оказываются реализующими и другое отношение. Возможное несовпадение их или противоречие, не создает однако альтернатив, которые решаются просто «арифметикой мотивов». Реальная психологическая ситуация, порождаемая перекрещивающимися связями субъекта с миром, в которые независимо от него вовлекаются каждое его действие и каждый его акт общения с другими людьми, требует от него ориентировки в системе этих связей.

Иными словами, психическое отражение, сознание уже не может оставаться, ориентирующим лишь те или иные действия субъекта, оно должно также активно отражать иерархию их связей, процесс происходящего подчинения и переподчинения их мотивов. А это требует особого внутреннего движения сознания.

В движении индивидуального сознания, описанном как процесс в / переходов непосредственно-чувственных содержаний и значений, приобретающих в зависимости от мотивов деятельности, определенный смысл, теперь открывается движение еще в **одном** измерении.

Если описанное раньше движение образно представить себе как движение в горизонтальной плоскости, то новое движение происходит, как бы по вертикали. Оно заключается в соотношении мотивов друг с другом: некоторые занимают место подчиняющих себе другие и как бы возвышаются над ними, некоторые, наоборот, опускаются до положения подчиненных или даже вовсе утрачивают свою, смыслообразующую функцию.

Становление этого движения и выражает собой становление связной системы личностных смыслов - становление ЛИЧНОСТИ.

Существуют многие явления, которые отмечают этот переход. Прежде всего это перестройка сферы отношений к другим людям. Если на предшествующих стадиях общество открывается в расширяющихся общениях с окружающими и поэтому преимущественно в своих персонифицированных формах, то теперь это положение оборачивается: окружающие люди все больше начинают выступать через объективные общественные отношения. Переход, о котором идет речь, и начинает собой изменение, определяющий главное в развитии личности, в ее судьбе. Необходимость для субъекта ориентироваться в расширяющейся системе его связей с миром раскрывается теперь в новом своем значении: как порождающая процесс развертывания общественной сущности субъекта.

Одно из изменений, за которым скрывается новая постройка иерархии мотивов, проявляется в утрате самооценности для подростка отношений в интимном круге его общения. Так, требования, идущие со стороны даже самых близких взрослых, сохраняют теперь свою смыслообразующую функцию лишь при условии, что они включены в более широкую социальную мотивационную сферу, в противном случае они вызывают явление «психологического бунтарства».

Это вхождение подростка в более широкий круг общения не означает, что интимное, личностное, как бы отходит теперь на второй план. Напротив, именно в этот период и именно поэтому происходит интенсивное развитие внутренней жизни: наряду с приятельством возникает дружба, питаемая взаимной конфиденциальностью; меняется содержание писем, которые теряют свой стереотипный и описательный характер, и в них появляется описание переживаний; делаются попытки вести интимные дневники и начинаются первые влюбленности.

Еще более глубокие изменения отмечают последующие уровни

развития, включительно до уровня, на котором личностный смысл приобретает сама система объективных общественных отношений, ее выражения. Конечно, явления возникающие на этом уровне, еще более сложны, и могут быть по настоящему трагическими, но и здесь происходит тоже самое: чем больше открывается для личности общество, тем более наполненным становится его внутренний мир.

Процесс развития личности всегда остается глубоко индивидуальным, неповторимым. Он дает сильное смещение по абсциссе возраста, а иногда вызывает социальную деградацию личности.

Главное - он протекает совершенно по разному в зависимости от конкретно-исторических условий, от принадлежности индивида к той или иной социальной среде. Он особенно драматичен в условиях классового общества с его неизбежными отчуждениями и парциализацией личности, с его альтернативами между подчинением и господством. Естественно, что драматическая история нашей страны наложила свою печать на ход развития личности.

И когда сегодня мы говорим: борьба общества за человеческую личность, во имя человека - это означает не просто для его потребления, это - для его ЛИЧНОСТИ, хотя при этом подразумевается, что человек должен быть обеспечен и материальными благами и духовной пищей.

На этом уровне прошлые впечатления, события и собственные действия субъекта, не выступают для него как покоящиеся пласты его опыта. Они становятся предметом его отношения, его действий, и потому меняют свой вклад в личность. Одно в этом прошлом умирает, лишается своего смысла и превращается в простое условие и способы его деятельности: сложившиеся способности, умения, стереотипы поведения; другое открывается ему в совсем новом свете и приобретает прежде не увиденное им значение; наконец, что-то из прошлого активно отвергается субъектом, психологически перестает для него существовать, хотя и остается на складах его памяти. Эти изменения происходят постоянно, но они могут и концентрироваться, создавая нравственные переломы.

Возникающая переоценка прежнего, установившегося в жизни, приводит к тому, что человек сбрасывает с себя груз своей биографии. Разве не свидетельствует это о том, что вклады

прошлого опыта в ЛИЧНОСТЬ стали зависимыми от самой личности, стали ее функцией.

Это оказывается возможным благодаря возникшему новому внутреннему движению в системе индивидуального сознания, которое образно названо движением «по вертикали». Не следует думать, что перевороты в прошлом личности производятся сознанием, сознание не производит, а опосредует их; производятся же они действиями субъекта, иногда даже внешними - разрывами прежних общений, переменой профессии, практическим вхождением в новые обстоятельства.

Вопреки своей распространенности взгляд на личность как на продукт биографии человека является неудовлетворительным, оправдывающим фаталистическое понимание его судьбы (ребенок украл, станет вором). Взгляд этот конечно допускает, конечно, изменить что-то в человеке, но только ценой внешнего вмешательства, СИЛОЙ своего перевешивающегося сложившееся в его опыте. Это - примата кары, а не раскаяния, награды, а не действий, которые она венчает. Упускается главный психологический факт, а именно, что человек вступает в отношение к своему прошлому, которое по разному входит в наличное для него - в память его личности. Толстой говорил: замечай, что помнишь, что не помнишь; по этим признакам узнаешь сам себя.

Неверен этот взгляд потому, что расширение действительности для человека происходит не только в направлении прошлого, но и в направлении будущего. Как и прошлое будущее составляет наличное в личности. Открывшаяся человеку жизненная перспектива есть не просто продукт «опережающего отражения», а его достояние.

Личность создается объективными обстоятельствами, но не иначе, как целокупность его деятельности, осуществляющей его отношение к миру.

Первое основание личности - есть богатство связей индивида с миром. Но речь идет о действительных, а не об отчужденных от человека отношениях, которые противостоят ему и подчиняют его себе. Различия, которые здесь существуют, являются не только качественными, выражающими меру широты открывшегося человеку мира в пространстве и времени - в его прошлом и будущем. За ними лежат различия в содержании тех предметных и социальных отношений, которые заданы объективными условиями эпохи, нации, класса. Поэтому подход к личности

должен быть конкретно историческим. Но психологический анализ не останавливается на этом, ибо связи личности с миром могут быть как беднее тех, что задаются объективными условиями, так и намного превосходить их.

Второй важнейший параметр личности есть степень иерархизированности деятельности, их мотивов. Степень эта бывает очень разной, независимо от того, узко или широко основание личности, образуемое его связями с окружающими. Иерархии мотивов существуют всегда, на всех уровнях развития. Они то и образуют относительно самостоятельные единицы жизни личности, которые могут быть менее крупные, более крупные, разьединенными между собой или входящими в единую мотивационную сферу. Разьединенность этих, иерархизированных внутри себя единиц жизни, создает психологический облик человека, живущего отрывочно - то в одном «поле», то в другом. Напротив, более высокая степень иерархизации мотивов выражается в том, что свои действия человек как бы примеривает к главному для него мотиву - цели, и тогда может оказаться, что одни стоят в противоречии с этим мотивом, другие прямо отвечают ему, а некоторые уводят в сторону от него.

Когда имеют в виду главный мотив, побуждающий человека, то обычно говорят о жизненной цели. Всегда ли этот мотив адекватно открывается осознанно? С порога ответить на этот вопрос нельзя, потому что его осознание в форме понятия, идеи, происходит не само собой, а в том движении индивидуального сознания, в результате которого субъект только и способен преломить свое внутреннее через систему усваиваемых им значений, понятий.

Смысловые единицы жизни могут собраться, как бы в одну точку, но это формальная характеристика. Главным остается вопрос о том, какое место занимает эта точка в многомерном пространстве, составляющем реальную, хоть не всегда видимую индивидом, подлинную действительность.

Вся жизнь Скупого рыцаря направлена на одну цель, возведение «державы золота». Эта цель достигнута («Кто знает, сколько горьких воздержаний, обузданных страстей, тяжелых дум, дневных забот, ночей бессонных все это стоило?»), но жизнь обрывается ничем, цель оказалась бессмысленной. Словами «Ужасный век, ужасные сердца!» заканчивает Пушкин трагедию о Скупом.

Иная личность, с иной судьбой складывается, когда ведущий мотив - цель возвышается до истинно человеческого и не обособливается, а сливается ее жизнь с жизнью людей, их благом. В зависимости от обстоятельств, выпадающих на долю человека, такие жизненные мотивы могут приобретать очень разное содержание и разную объективную значимость, но только они способны создать внутреннюю психологическую оправданность его существования, которая составляет смысл и счастье жизни.

И здесь мы подходим к самому сложному параметру личности: к общему типу его строения. Мотивационная сфера человека даже в наивысшем ее развитии никогда не напоминает застывшую пирамиду. Она может быть сдвинута, эксцентрична по отношению к актуальному пространству исторической действительности, и тогда мы говорим об односторонности личности. Она может сложиться наоборот, как многосторонняя, включающая широкий круг отношений. Но и в том и другом случае она необходимо отражает объективное несоответствие этих отношений, противоречия между ними, смену места, которое они в ней занимают. Структура личности представляет собой относительно устойчивую конфигурацию главных внутри себя иерархизированных мотивационных линий. Речь идет о том, что неполно описывается как «направленность личности», неполно потому, что даже при наличии у человека отчетливой ведущей линии жизни, она не может оставаться **ЕДИНСТВЕННОЙ**. Служение избранной цели, идеалу, не исключает и не поглощает других жизненных отношений человека, которые, в свою очередь, формируют смыслообразующие мотивы.

Образно говоря, мотивационная сфера личности всегда является многовершинной. Многообразные отношения, в которые человек вступает в действительности, являются объективно противоречивыми. Их противоречия и порождают конфликты, которые при определенных условиях фиксируются и входят в структуру личности. Структура личности не сводится ни к богатству связей человека с миром, ни к степени их иерархизированности; ее характеристика лежит в соотношении разных систем сложившихся жизненных отношений, порождающих борьбу между ними. Иногда эта борьба происходит во внешне не приметных, обыденно драматических формах и не нарушает гармоничности личности, ее развития; ведь гармоническая личность вовсе не есть личность не знающая никакой внутренней

борьбы. А иногда эта внутренняя борьба становится главным, что определяет весь облик человека, такова структура трагической личности. Предметно-вещественные «потребности для себя» насыщаемы, и удовлетворение ведет к тому, что они низводятся до «условий жизни», которые тем меньше замечаются человеком, чем привычнее они становятся.

Поэтому личность не может развиваться в рамках потребления, ее развитие необходимо предполагает смещение потребностей на созидание, которое одно не знает границ.

Мы привыкли думать, что человек представляет собой центр, в котором фокусируются внешние воздействия и из которого расходятся линии его связей, его интеракции с внешним миром, что этот центр, наделенный сознанием и есть его «Я». Но дело обстоит не так.

Мы видели, что многообразные деятельности субъекта пересекаются между собой и связываются в узлы, объективными, общественными по своей природе отношениями, в которые он необходимо вступает. Эти узлы, их иерархии и образуют тот таинственный «центр личности», который мы называем «Я», иначе говоря, центр этот лежит не в индивидуе, не на поверхности его кожи, а в его бытии.